

1550
1600

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ АНГЛИИ С ГАНЗЕЙСКИМ СОЮЗОМ

БОРЬБА НА БАЛТИКЕ
ЗА РЫНКИ РОССИИ
И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
В ЕЛИЗАВЕТИНСКУЮ
ЭПОХУ

Х Е Н Р И К Ц И Н З

Хенрик Цинз

**Торговые войны Англии
с Ганзейским союзом.
Борьба на Балтике за рынки
России и Речи Посполитой
в Елизаветинскую эпоху**

«Центрполиграф»

УДК 94(4)
ББК 63.3(5)

Цинз Х.

Торговые войны Англии с Ганзейским союзом. Борьба на Балтике за рынки России и Речи Посполитой в Елизаветинскую эпоху / Х. Цинз — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-6312-7

Хенрик Цинз представляет англо-балтийские торговые и политические отношения в «золотой век» английской истории, ознаменовавшие экономическую и политическую экспансию Англии в переломный момент ее социально-экономического развития. Рассказывает, как в годы правления королевы Елизаветы после ожесточенной борьбы с монополией Ганзейского союза за рынки сбыта страна достигла независимого положения в торговых отношениях на землях Северного и Балтийского морей. Информация основана на многочисленных статистических материалах, различных видах таможенных документов, в частности портовых книгах, позволяющих наглядно показать рост внешней торговли XVI века. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(4)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-6312-7

© Цинз Х.
© Центрполиграф

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Хенрик Цинз
Торговые войны Англии
с Ганзейским союзом.
Борьба на Балтике за рынки России и
Речи Посполитой в Елизаветинскую эпоху

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2025

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2025

Введение

Елизаветинская эпоха во многих отношениях явилась поворотной в истории Англии. Прежде всего это было время экономического подъема, когда соотечественники Шекспира были вынуждены искать новые рынки сбыта в различных частях тогдашнего мира. Это означало завоевание большей инициативы в открытом море и окончательное сведение счетов с Испанией после поражения Великой армады в 1588 г. Эта победа положила начало английскому господству в Атлантике. Елизаветинская эпоха вместе с тем была также временем огромного прогресса в области английской культуры, временем расцвета литературы эпохи Возрождения и достижений в театре, искусстве и науке, а также во всех материальных и художественных сферах. Этот примечательный прогресс цивилизации был в значительной степени результатом экономического и социального развития Англии в XVI в. После катастрофической для Англии Столетней войны и приведшей к значительным разрушениям в экономике, а также к политическому хаосу Войны Алой и Белой розы в XVI в. страна начала восстанавливаться, но очень медленно и в основном за счет роста среднего класса, дворянства и простых горожан, бывших одним из столпов монархии Тюдоров. Одним из наиболее заметных проявлений экономического роста елизаветинской Англии и предпосылкой ее дальнейшего значения в мировой экономике и политике стало развитие ее внешней торговли во 2-й половине XVI в.

Северная Европа, земли вокруг Северного и Балтийского морей, была одним из первых и поначалу важнейших районов торговой экспансии Англии. В течение длительного периода ее торговля с близлежащими Нидерландами и Северо-Западной Германией оставалась в руках иностранцев, несмотря на ее ранний опыт организации собственных торговых компаний (Стапельная компания, Компания лондонских купцов-авантюристов). Ее торговая экспансия в Прибалтике была достигнута после ожесточенной борьбы с могущественным Ганзейским союзом, который долгое время играл в этом регионе доминирующую роль и выступал в качестве раздражающего посредника в торговле Англии со странами Балтии. В ранних отношениях Англии с Прибалтикой можно выделить два довольно определенных периода. Первый, продолжавшийся с конца XIV до конца XVI в., знаменовал длительную и решительную борьбу Англии за слом монополии немецкой Ганзы и за достижение более независимого положения в ее торговых отношениях со странами Балтии. Параллельно с попытками ограничить привилегии Ганзы в пределах ее собственных границ она предпринимала настойчивые попытки получить и сохранить в Балтийском регионе постоянную базу, перевалочный пункт для своей торговли. В этой борьбе она стремилась захватить прибыльный балтийский рынок для сбыта тканей собственного производства, а также доступ к богатому источнику поставок необходимых для судостроения сырья и полуфабрикатов, таких как древесина, такелаж, лен и пенька, железо, деготь и смола, а также зерна во времена неурожая на родине. Таким образом, кульминация борьбы, естественно, пришлась на годы, ознаменовавшие начало расширения ее торговли и мореплавания, в эпоху Тюдоров, но особенно в царствование Елизаветы I. Эти годы были свидетелями не только борьбы Англии с Испанией и многочисленных путешествий английских мореплавателей и пиратов – Фрэнсиса Дрейка, Уолтера Рэли, Фробишера, Гилберта и других, но и настойчивых попыток и маневров со стороны английских купцов по созданию коммерческих организаций для торговли, иногда с отдаленными частями Европы и мира. В определенной степени предварительным условием позднейшей мировой экспансии Англии было свержение ганзейского господства и получение тюдоровскими купцами большей доли в торговле Северной Европы. И именно в районе Северного, Балтийского и Белого морей они приобрели свой первый организационный опыт.

Второй период в отношениях Англии с Прибалтикой относится к началу XVII в., и в смысле принятых форм и методов он несколько отличался по своей природе от предыдущего. В

этот период Балтика все еще представляла значительный, хотя и постепенно уменьшающийся, интерес для Англии как рынок, удовлетворяющий ее основные потребности в товарах для военно-морского флота, хотя она была владычицей морей и развивала политику и торговую экспансию в мировом масштабе. В течение XVII в. Балтика также стала важным фактором внешней политики Англии, которая, оказавшись во время Первой англо-голландской войны и борьбы за господство в Балтийском море под угрозой из-за того, что была отрезана от импорта из Прибалтики, стала активно заниматься в этом регионе дипломатической деятельностью, следуя своей исторической политике, направленной на поддержание баланса сил в Европе. Ключ к пониманию основных мотивов политики Англии в отношении Балтии в те годы помогут найти слова, сказанные Оливером Кромвелем перед парламентом в 1658 г.: «Если они смогут закрыть нам доступ к Балтийскому морю и станут его хозяином, где ваша торговля? Где ваши материалы для сохранения вашего судоходства?»

Настоящая работа посвящена первому периоду отношений Англии со странами Балтии, но в особенности Елизаветинской эпохе, когда ей удалось исключить из своей балтийской торговли Ганзу и создать собственную торговую компанию для развития обмена с Прибалтийскими странами. После обсуждения ранних отношений Англии с этими странами и англо-ганзейского соперничества в первых пяти главах указываются политические, экономические и социальные факторы, которые привели в 1579 г. к основанию Истлендской компании и захвату ее управления богатыми лондонскими оптовиками. Главы 6—10 целиком посвящены анализу балтийской торговли Англии во 2-й половине XVI в., ее организации и английскому мореплаванию на Балтике. Таким образом, нас прежде всего интересует торговля Англии со странами Балтии, но особенно с Польшей, на которую приходилась наибольшая доля английской балтийской торговли. С 1579 г. эта торговля была организована через Истлендскую компанию. Таким образом, по сути, наша работа касается прежде всего английской торговли с Речью Посполитой, которая, с портами Гданьска (Данцига), а затем Эльблонга (Эльбинга), была доминирующим фактором в балтийской торговле с западными странами в рассматриваемый период. Кроме торговли с Польшей, учитывается и торговля Англии с Россией в гораздо более широком масштабе, особенно в связи с проблемой нарвского судоходства, с целью установления относительных пропорций польского и русского рынков в английской балтийской торговле.

С другой стороны, сравнительно мало места уделено проблемам английской торговли со Скандинавскими странами, которые еще не получили значительной доли в торговле Англии или развивали ее за пределами Балтийского региона и имели лишь несколько записей в таможенном реестре. Только Норвегии, как поставщику в Англию древесины, уделено значительно больше внимания на основе английских портовых книг. Характер и состояние сохранившихся источников означали, что наша работа связана главным образом с балтийской торговлей, осуществляемой английскими купцами, а не с балтийской торговлей Англии в целом, которую невозможно охватить более полно из-за существования иностранных посредников, в особенности голландцев, а также роли Амстердама как крупного склада и пункта распределения балтийских товаров. Из-за пробелов в английских портовых книгах и отсутствия общих расчетов совокупного объема импортной и экспортной торговли Англии в XVI в. наш анализ английской балтийской торговли во многих случаях основывался на материалах, имеющихся в Лондоне, Халле, Ньюкасле и других портах Восточной Англии, а не Англии в целом. Полное представление английской балтийской торговли было возможно, только если взять за основу регистры таможенных пошлин за проход по проливу Зунд, но они могли обеспечить достаточно надежный критерий только в отношении английского экспорта (см. вступительные замечания к гл. 7).

В географическом плане наша работа охватывает Балтийское море, регион, ограниченный проливом Зунд и лежащий за ним, как это определено в английских документах того времени, но особенно в хартии Елизаветы 1579 г., в которой была определена область монополии Истлендской компании. Назвав Данциг самым важным портом в этом районе, эти документы

отождествили торговлю Англии на Балтике с ее обменом с Данцигом и, следовательно, с Польшей. (Этот момент будет рассмотрен позже.) Пытаясь определить эту экономическую зону, мы должны согласиться с Маловистом, что в XVI в. Балтика была в первую очередь регионом, эксплуатируемым западноевропейским капиталом. Этот капитал, который с конца XV в. был в основном голландским, но со 2-й половины XVI в. во все большей степени стал также английским, получал из этого района сырье и полуфабрикаты, необходимые для развития западной промышленности. Можно согласиться с тем, что отличительной чертой Балтийского региона в то время было то, что он был источником поставок сырья и полуфабрикатов, таких как сельскохозяйственная продукция, древесина и все виды лесной продукции, необходимые для развития промышленного производства в Северо-Западной Европе.

Главы этой работы, посвященные анализу торговли Англии с Балтикой, охватывают период с 1562 г. по конец XVI в., хотя для получения более полной картины анализ иногда значительно выходит за эти хронологические рамки. Первоначальная дата устанавливается по опоре на основной источник: регистры таможенных сборов за проход по проливу Зунд содержат подробные данные о товарах, проходящих через Зунд, только начиная с 1562 г. С другой стороны, окончательная дата устанавливается на основе анализа торговли Англии с Балтикой, которая после заметного роста во 2-й половине XVI в. к концу периода начала проявлять явные признаки кризиса. На рубеже XVI в. экспорт английских тканей в Прибалтику начал сокращаться – отчасти из-за усиления конкуренции со стороны Голландии, а отчасти из-за развития местной суконной промышленности, особенно в Силезии. Английское сукно, составляющее основу всей торговли Англии, становилось слишком дорогим для прибалтийских потребителей, и с начала XVII в. его экспорт в этот регион все более серьезно сокращался. На рубеже XVI в. голландская конкуренция также начала сказываться на торговле Англии с Москвой через Архангельск, что постепенно лишило английских купцов их роли в этой торговле. Таким образом, период, охватываемый нашей работой, – это сравнительно короткий промежуток времени, в течение которого Англия играла важную роль в торговле на Балтике, после устранения ганзейских посредников и разрушения ганзейской монополии, но до того, как Голландия полностью завладела балтийским судоходством и торговлей, которые уже были значительными и в XVI столетии.

В заключение, возможно, следует подчеркнуть, что целью данной работы было освещение более широкого аспекта англо-балтийских торговых и политических отношений с точки зрения истории елизаветинской Англии на фоне социально-экономического развития страны в переломный момент, ознаменовавший начало ее экономической и политической экспансии, а также быстрое развитие торговли Англии и ее купеческого класса. По этой причине я считал целесообразным не перегружать текст такими хорошо известными и довольно мелкими проблемами, как антагонизм между Данцигом и Эльбингом или попытки Истлендской компании добиться от польского двора подтверждения английской фактории в Эльбинге. По тем же причинам были проигнорированы общеизвестные проблемы, связанные с анализом социально-экономических изменений, произошедших в странах Балтии в XVI в., а также проблемы торговли и коммерческой политики этих стран, поскольку они не были напрямую связаны с основной темой книги. Чтобы сделать работу читабельной и освободить текст от балласта большого количества статистических данных, был составлен ряд таблиц, содержащих количественные данные о торговле Англии на Балтике, английском судоходстве на Балтике и т. д. Подавляющее большинство таблиц содержит информацию, никогда ранее по этой теме не публиковавшуюся, информацию, основанную на различных видах таможенных документов, которые не всегда легко доступны или разборчивы (особенно это относится к английским портовым книгам), что является нашим оправданием для включения относительно большого объема такого статистического материала.

Глава 1

Ранние торговые отношения между Англией и Прибалтикой до середины хvi в.

Письменные источники, свидетельствующие об интересе Англии к Балтике, существуют еще со времен Альфреда Великого. С IX в. сохранился хорошо известный рассказ о путешествии Вульфстана в Тусо и в землю пруссов. Этим периодом также датируется название Эстланд (земля эстов), и вместе с этим названием позже в английский язык вошел термин «Истленд». Примерно с XIV в. Балтийский регион, особенно Гданьское Поморье (Данцигская Померания), обозначался «Эстляндия». В английских источниках эти регионы определяются как «восточные страны», или «восточные земли», поскольку их важнейшим торговым центром был Данциг (Гданьск) с его огромными польскими внутренними районами; в XVI в. их также называли «восточными странами, или Данске», или «Данске и восточными странами», и даже «Данске, или Истлендом». Отсюда и официальное название Истлендской компании, основанной английскими купцами в 1579 г. для развития балтийской торговли, – «Управляющий, помощники и товарищество купцов Истленда».

Торговые отношения Англии со странами Балтии были одними из старейших, наиболее постоянных и прочных в ее ранней истории. В отличие от торговли со Средиземноморьем, порты которого поставляли в основном предметы роскоши, Балтика издавна привлекала внимание английских купцов как богатый источник поставок продуктов питания, в особенности зерна, а также необходимого для строительства английского флота сырья. Вместе с Северным морем Балтийское море составляло в XVI в. важнейшую область английской торговли.

Интерес Англии к балтийской и северной торговле, к торговле с Польшей и Россией означал начальный этап ее экономического роста в более широком масштабе. Хотя эта торговля была явно второй по важности после ее торговли с Нидерландами, которая долгое время имела основополагающее значение для ее экономических потребностей, по сути это было первое важное предприятие английских купцов на широких морских путях, успешная со стороны английской торговли попытка стать независимой от иностранных посредников.

В XV, XVI и XVII вв. сами англичане снова и снова подчеркивали важность балтийской торговли для своей национальной экономики, называя балтийские страны «корнем» и житницей всей своей морской торговли. В длинной поэме, озаглавленной «Клевета на английскую Польшу», опубликованной в 1436 г., указывалась существенная ценность и разнообразие товаров, импортируемых из Пруссии, и среди товаров, которые в течение многих лет импортировались из Данцига, упоминались железо, медь, сталь, древесина, брус, деготь, дегтярная смола, лен, кожи, меха, холст, пиво, мясо, воск и т. д.

Ячмень и бекон из Пруссии добрый...
Из олова утварь, медь, дерево и сталь,
И воск, суровьё, и деготь, и лен
Из Кёльна сукно, бумазая и холст
Сейчас привезли, как возили всегда.

Это произведение также привлекло внимание к роли балтийского рынка в экспорте английских тканей. В начале XVI в. два трактата, предположительно написанные Клементом Армстронгом, в сходных терминах суммировали важность Балтийского региона, особенно Пруссии, для Англии. Интересно заметить, что с конца Средневековья в английский язык для обозначения ели вошло слово spruce (Пруссию в то время в Англии называли «Еловой

страной» (Spruceland)), что свидетельствует об общей ассоциации Пруссии с определенными видами древесины, импортируемыми из Польши.

Дипломаты, писатели-экономисты и купцы в XVI и XVII вв. отмечали, что значение балтийского рынка для Англии заключалось прежде всего в экспорте материалов для судостроения и импорте тканей. В 1568 г. два английских купца, Томас Баннистер и Джеффри Дакетт, обратили внимание Уильяма Сесила на выгоды, которые можно получить от московской торговли: они писали, что, развивая эту торговлю, можно было бы освободить Англию от ее большой зависимости от Данцига в отношении импорта снастей, мачт, парусов, дегтя и т. д., так жизненно важных для английского флота. Сесил, тайный советник и государственный секретарь Елизаветы, довольно хорошо знал важность балтийского рынка в этом отношении и придерживался мнения, что «товары, которые мы привозим из восточных стран, необходимы для применения в этой стране».

Ничто лучше не характеризует важность торговли с Польшей для елизаветинской Англии, чем дипломатическая деятельность Англии в 1590 г. Через своего посла в Турции Эдварда Бартона Англия пыталась убедить султана отказаться от запланированного нападения на Польшу, поскольку ей требовалось много польских товаров, которые «были необходимы для флота». В случае войны с Турцией, утверждал Бартон, Польша приостановит экспорт этого сырья в Англию, а это, в свою очередь, может привести к тому, что Англия откажется от помощи Нидерландам во время борьбы этой страны с главным врагом Турции – Испанией. В письме к Елизавете султан признался, что воздержался от нападения на Польшу по просьбе королевы, так как, помимо прочего, не хотел быть причиной ограничения вывоза из Польши таких товаров, как мачты, порох, зерно и т. д., которые, по его мнению, были нужны Англии в войне с Испанией.

Не только высказывания дипломатов и купцов, но и наблюдения английских путешественников, иногда живших в Польше по многу лет, подчеркивали важность торговли с Речью Посполитой и Прибалтикой. Два из них заслуживают более подробного упоминания: опубликованный в 1593 г. рассказ Файнса Морисона и книга 1598 г. Уильяма Брюса. Оба писателя выразили изумление по поводу природных богатств Речи Посполитой и дешевизны польских товаров. Брюс называл Польшу «общим зерновым хранилищем и арсеналом всей Европы», особенно в отношении военно-морских запасов. Но он был удивлен, что страна, столь богатая сырьем и изобилием продуктов, которые искали по всей Европе, вовсе не была богатой; он объяснял такое положение дел выгодами, которые портовые города, особенно Данциг, получали от экспорта польских товаров.

События, связанные с основанием Истлендской компании во времена Елизаветы I, не положили начало торговому проникновению Англии в Прибалтику. Английские купцы заходили туда еще в XIII в., о чем свидетельствует, среди других источников, голландское предложение Любеку в 1286 г. полностью закрыть Балтику для англичан. Сами английские купцы указывали на конец XIII в. как на начало отношений Англии со странами Балтии, особенно с Поморьем (Померанией). Но у нас нет никакой дополнительной информации по этому вопросу, и кажется, эти отношения усилились и приобрели большее значение только в XIV в. Сами англичане, и в частности Истлендская компания, в 1659 г. утверждали, что их предки начали торговать с Прибалтикой только в середине XIV в. Из утверждений в некоторых документах, безусловно, следует, что с начала XIV в. английские граждане часто приезжали в Данциг, нередко селились и приобретали там гражданские права.

Английские купцы плыли на Балтику с сукном; экспорт этого товара значительно увеличился во 2-й половине XIV в. А привозили они, главным образом из Данцига и Эльбинга, смолу, поташ, древесину, зерно и другие продукты польского и померанского происхождения, а также древесину из Норвегии. В XIV в. англичане также прибыли в Прибалтику в качестве

рыцарей, чтобы помочь Тевтонскому ордену в его борьбе с Литвой, что отметил Чосер в «Кентерберийских рассказах» в описании рыцаря:

Он с королем Александрию брал,
На орденских пирах он восседал
Вверху стола, был гостем в замках прусских,
Ходил он на Литву, ходил на русских,
А мало кто – тому свидетель Бог —
Из рыцарей тем похвалиться мог...

Помимо путешествий отдельных английских купцов в Прибалтику и особенно в Данциг, к концу XIV в. мы наблюдаем первые попытки организовать эту деятельность в форме, напоминающей позднейшие торговые компании. В конце XIV и начале XV в. в Англии были выданы «привилегии», и это было первое официальное признание так называемых регулируемых компаний – компаний, деятельность которых регулирует государство. Это были монополистические торговые организации с достаточно рыхлой структурой, их участники вели индивидуальную торговлю, в отличие от более поздних акционерных обществ, имевших централизованную структуру и в которых торговали сами компании. Привилегии конца XIV и начала XV в. охватывали торговлю Англии с Северным и Балтийским морями, и это ясно указывает на то, что эти районы были самыми ранними регионами первой торговой экспансии Англии за рубежом. Самый старый из этих документов был выдан Ричардом II в 1390 г. английским купцам, торговавшим с Пруссией и другими странами Балтии. Им было предоставлено право свободной торговли на территории земель Тевтонского ордена и право захода во все прусские порты ордена.

На данном этапе следует подчеркнуть, что с самого начала все торговые предприятия Англии в Прибалтике столкнулись с антагонизмом доминирующей торговой державы в Северной Европе – Германского Ганзейского союза, ревниво охранявшего свое господство в этом районе. Английская экспансия в Прибалтике осуществлялась на фоне острого соперничества с Ганзой; основание Истлендской компании было последней главой в этой борьбе, оно было одним из признаков краха Ганзы.

Тот факт, что ганзейские купцы обладали обширными привилегиями в Англии, вызвал реальные трудности в ее отношениях с Ганзой и территорией, находившейся под ее торговым контролем. Эти привилегии были получены в первые дни контактов Ганзы с Англией, и особенно во времена Эдуарда I, с его привилегией 1303 г., озаглавленной *Carta Mercatoria* («Торговая хартия»), которая предоставила, среди прочего, права розничной торговли, прямого обмена с иностранцами и т. д. Эдуард III значительно расширил объем привилегий, предоставленных Ганзе его предшественниками Плантагенетами, освободив ее купцов от различных повинностей, в результате чего в начале XV в. ганзейские купцы платили более низкие таможенные пошлины на экспорт английских тканей, чем сами английские купцы. В этих условиях вследствие слабости английского купечества Ганза имела значительную долю в посреднической деятельности, связанной с балтийской торговлей Англии, и в соответствии со своей монополистической политикой не позволяла английским купцам хотя бы частично пользоваться аналогичными выгодными привилегиями в Данциге и других городах – членах Ганзейского союза. Поэтому неудивительно, что с конца XIV в. попытки Англии получить большую долю в балтийской торговле неоднократно подкреплялись ссылками на принцип, согласно которому ее купцы должны иметь в ганзейских городах те же права, которыми Ганза пользовалась в Англии, а в случае если Ганза откажется, ее следует лишить особых прав, которыми пользуется ее лондонская резиденция, Стальной двор (*Staalhof*). Но это было радикальное требование и в то время не очень реалистичное. До Елизаветинской эпохи Англия была слишком слаба в сфере балтийской торговли, чтобы обеспечить соблюдение этого принципа. Тем не менее

в постоянных конфликтах с Ганзой по вопросу о взаимных правах английских и ганзейских купцов Англия регулярно и последовательно выступала и защищала его. Можно добавить, что в случае с Данцигом, который был главным противником английской торговой экспансии в Прибалтике, бывали времена, когда английские купцы оказывались в более благоприятном положении, поскольку на политику этого города в отношении них влияли две противоречивые тенденции. Данциг пытался не допустить проникновения англичан на местный рынок, но одновременно даже во время жесточайших англо-ганзейских конфликтов стремился поддерживать торговые отношения с Англией, поскольку они были очень выгодны городу. Помимо растущего отсутствия единства и противоречий в Ганзейском мире, особенно в более поздний период, еще одним важным фактом было то, что один член и покровитель Лиги, Тевтонский орден, временами занимал довольно своеобразную позицию в вопросе английской торговли, особенно в XV в.

Оставляя в стороне конфликты Англии с Ганзой, которые стали очень частыми и серьезными с последней четверти XIV в., а также взаимные карательные меры и препирательства, приостановление привилегий, конфискацию товаров и т. д. (массу информации по этому вопросу содержат два источника – *Hanserecesse* и *Hansisches Urkundenbuch*), следует отметить, что именно к концу XIV в. интерес Англии к балтийской торговле значительно возрос. В связи с одним спором мы узнаем, что в 1385 г. с Данцигом торговали 88 английских купцов. Источники упоминают неоднократные случаи поселения в те годы английских купцов в Данциге, причем ни один из них не получил гражданские права. Ганзейские источники также упоминают об английских купцах, в середине XIV в. торговавших с Эльбингом. Торговля с Норвегией имела еще более древние традиции и восходила к XIII в.

К концу XIV в. произошло некоторое улучшение отношений Англии с Ганзой, а это, в свою очередь, отразилось на положении английских купцов в Пруссии. В 1388 г. между Англией и Тевтонским орденом было заключено соглашение, подтвердившее привилегии Ганзы в Англии, но, с другой стороны, гарантировавшее английским купцам их древние права в Пруссии, возможность обосноваться в этой стране и вести свободную торговлю. Месяцем ранее, 28 июля 1388 г., английская миссия была принята Великим магистром ордена в Мариенбурге (Мальборке), английский эмиссар потребовал, между прочим, признания английской фактории в Данциге. В результате этих соглашений, – которые, однако, не регулировали вопрос о фактории, – были созданы условия для основания в Данциге первой, как уже упоминалось, английской такого рода в Прибалтике торговой компании, которой сначала 20 декабря 1390 г., а затем 17 января 1391 г. Ричард II предоставил привилегию иметь собственный молитвенный дом, право выбирать свои руководящие органы и т. д. На основании этой привилегии первым назначенным губернатором был Джон Бебис, который в 1388 г. принимал от имени Англии участие в переговорах между английской миссией и Великим магистром об устранении споров и заключении торгового соглашения.

Организация, возглавляемая Джоном Бебисом, не имела определенного названия; в документах он упоминается как губернатор английских купцов в области Пруссии, Скании и Зунда и ганзейских владений, то есть фактически в пределах Истленда. Но ганзейские источники просто говорят об английских купцах, осевших (*liggende*) в Данциге.

Интересный факт, который до сих пор ускользнул от внимания, заключается в том, что память об этой старейшей английской торговой организации в Прибалтике еще жила среди членов Истлендской компании даже в конце XVI в. Когда английский посол Джон Роджерс пытался убедить польский двор подтвердить привилегии для английских купцов в Эльбинге, то ссылаясь на существование в Данциге в конце XIV в. английской торговой организации и на привилегию, предоставленную Ричардом II.

О ранней судьбе этой английской фактории в Данциге в конце XIV и в XV в. информации мало, то же самое относится и к объему торговли Англии с Прибалтикой в то время, хотя тор-

говля, казалось бы, велась весьма активно. В любом случае в Пруссию должен был осуществляться значительный экспорт английской ткани, поскольку всего через несколько лет после Мариенбургского соглашения 1388 г. нападки данцигцев на привилегии английских купцов в их городе становились все более частыми, как и обвинения, что из-за ввоза английского сукна Данциг и другие прусские города обеднели. Такая позиция в сочетании со спорами с Англией по поводу таможенных пошлин, грабежами пиратов и т. д. привела к новому обострению англо-пруссских отношений. В 1396 г. были наложены ограничения на право англичан оставаться в Пруссии в рамках Тевтонского ордена, а в 1397 г. в результате давления Данцига был издан указ, запрещающий покупать английское сукно где-либо за пределами Англии, что ясно указывает на истинные мотивы политики Данцига в отношении английских купцов, которых, кроме того, когда Великий магистр отменил Мариенбургское соглашение, призвали покинуть Пруссию. В 1404 г. по требованию ганзейских городов орден запретил вывоз в Англию дегтя и леса, а также ввоз английского сукна. Опять же, в 1405 г. съезд Ганзейского союза в Любеке принял резолюцию о запрете торговли с Англией.

Однако за этими официальными запретами обычно не следовали исполнительные меры. Англо-данцигская торговля приносила обеим сторонам слишком большую прибыль, чтобы от нее отказываться даже в годы жесточайших запретов и ограничений. На практике, несмотря на приказ об изгнании, англичане не покинули Данциг, и торговля Англии с землями, принадлежавшими тевтонским рыцарям в Пруссии, не прекратилась.

Именно в этот период, 6 июня 1404 г., английские купцы, торгующие с Данцигом, получили от короны дополнительные привилегии, которые подтвердили их организации в 1390 г. и, кроме того, предоставили право издавать статуты и постановления. 5 февраля 1407 г. такую же привилегию получили английские купцы, торгующие с Голландией, Зеландией, Брабантом и Фландрией, и, как и 1 марта 1408 г. английские купцы, торгующие с Норвегией, Швецией и Данией, эти купцы тоже были предшественниками Истлендской компании. Привилегия, предоставленная 20 июня 1428 г. Генрихом VI, не делает никакого различия между этими двумя сферами деятельности; это относится к английским купцам «*in partibus Pruciaie, Daciae, Norweiae, Hansae et Swechiaie*» (в странах Пруссии, Дании, Норвегии, Ганзы и Швеции). Эти купцы, действовавшие в районах Балтийского и Северного морей, еще не составляли определенных отдельных организаций, но основали различные отделения купцов-авантюристов – термин, который, как показали исследования Каруса-Уильсона, вплоть до времен Тюдоров охватывал всех занимавшихся внешней торговлей английских купцов, не входивших в состав купцов Стапельной компании, изначально и в первую очередь занимавшейся экспортом шерсти из Англии в Кале. Общей чертой всех этих торговых мер и усилий был поиск рынков сбыта английской шерсти и тканей. Континентальные перевалочные пункты для этих товаров, которые сначала были созданы в Кале и Нидерландах, а затем в Эмдене, Штаде, Гамбурге, Данциге и Эльбинге, ясно указывали направление торгового проникновения Англии на восток, вдоль берегов Северного моря и Балтики, где она также нашла ценный источник продуктов питания и материалов для строительства военно-морского флота.

Таким образом, на рубеже XIV–XV вв. Англия делала первый шаг к освобождению от зависимости от обширного посредничества Ганзы и взятию в свои руки большей доли балтийской торговли. В 1689 г. Н. Тенч, впоследствии глава Истлендской компании, сам относил начало балтийской торговли Англии к этому периоду. Ее предпосылкой был распад ганзейской монополии. К концу XVI в. англичане говорили о Ганзе как об организации, «на руинах которой мы возвели свое здание». О важности ганзейской проблемы еще в начале правления Елизаветы свидетельствует тот факт, что Томас Грешем, формулируя план новой английской экономической политики, включил в число важнейших задач необходимость ограничения обширных привилегий лондонского Стального двора, который долгое время обеспе-

чивал Ганзе в английской торговле большие права, нежели те, которыми пользовались местные купцы, и вместе с тем англичане подвергались дискриминации в ганзейских портах.

Возникшая позднее проблема значительной роли Нидерландов в балтийской торговле Англии была иного рода. Она имела далекоидущее значение, которое трудно свести к цифрам, и, хотя она очень важна для выяснения растущего проникновения Англии в Балтийское море, но до сих пор не была подвергнута тщательному изучению. Мы знаем, что в XVI в. Англия в значительной степени зависела от рынка Антверпена и голландского транспорта. Как мы обсудим позже, упадок Антверпена стал одним из существенных факторов возникновения Истлендской компании и большей активности Англии в сфере внешней торговли. Но эти вопросы относятся к более позднему времени: в XIV и XV вв. голландская конкуренция еще не ощущалась в Англии как опасность для ее балтийской торговли (как в случае с Ганзой), ибо без голландского посредничества ее невозможно было вести даже в XVI в., потому что английский торговый флот был очень мал. Опасность голландского посредничества стала вызывать все большую тревогу лишь с начала XVII в. Эту проблему с особой силой поставил Джон Кеймер в 1620 г. В своей «Книге наблюдений» (*Book of observations*) он рассказал о технике голландских посредников, об их методах складирования зерна и других продуктов Прибалтийских стран, сохранения их для продажи в неурожайные годы с большой выгодой для себя. Он также указал на причины превосходства голландцев над англичанами в сфере мореплавания (см. ниже). Он обратил внимание на опасность для Англии со стороны деятельности голландских посредников, в том числе и в отношении экспорта английской ткани. Купцы-авантюристы вывозили его в Голландию необработанным и неокрашенным, голландцы его обрабатывали, окрашивали и продавали с прибылью примерно 60 000 фунтов стерлингов в год.

Возвращаясь к нашему обзору ранних торговых отношений Англии с Прибалтикой, мы должны отметить, что в XV в. Англия, несмотря на настойчивые усилия, потерпела поражение в попытках проникнуть в Балтийский регион и прорваться через ограничения немецкой Ганзы на английскую иностранную торговлю. После кратковременного увеличения торговли с Данцигом в конце XIV в. балтийская торговля Англии пришла в упадок. Столетняя война и Война Алой и Белой розы надолго истощили ее экономические ресурсы и уменьшили ее политическое значение, хотя мы больше не принимаем более ранние мнения относительно масштабов разрушений и потерь, которые они причинили. Англия долгое время была вынуждена передать большую часть своей балтийской торговли иностранным купцам, хотя и не оставляла попыток уменьшить степень этой зависимости.

Несмотря на огромные трудности и махинации со стороны городского совета Данцига, английская торговая фактория просуществовала в Данциге до 1470-х гг. Об этом мы узнаем из сообщений о многочисленных спорах, например, об аресте губернатора и 12 помощников этой первой английской балтийской компании, а также об ограничениях, наложенных советом Данцига на использование англичанами дома, которым они там владели. В реестрах данцигских членов городского управления за 1430 и 1431 гг. указаны имена двух человек из этой английской корпорации – Никласа Гара и Уиллема Эверхарта. Данные, приведенные Симсоном, показывают, что в 1422 г., например, в Пруссии проживало 55 английских купцов, что позволяет предположить, что довольно активные торговые контакты все еще поддерживались. Многие из этих купцов достигли в городе значительного благосостояния, и обычным явлением были смешанные браки. Несмотря на бесконечные трудности, английская колония в Данциге была многочисленной и хорошо организованной; периодические попытки изгнать ее никогда не были полностью успешными. Отсутствие сплоченности и солидарности, которые начали проявляться в Ганзе в XV в., различные экономические интересы ее членов, городские восстания (например, в городах Венда), политические трудности – все это ослабило единство деятельности Союза. Также временному улучшению положения английских купцов в Данциге способствовало поражение тевтонских рыцарей под Грюнвальдом. К сожалению, у нас нет подробно-

стей о масштабах их торговли или обменах Англии с Прибалтикой в 1-й половине XV в. Из жалоб данцигского городского совета и купцов, вероятнее всего, следует, что торговля была довольно обширной, по крайней мере вплоть до середины века.

В XV в. основной статьей экспорта Англии в Прибалтику была ткань. Другие товары, такие как олово, фрукты из Южной Европы, шкуры и т. д., на практике не играли большой роли. Одна только ткань позволяла английским купцам получать из стран Балтии необходимые их стране сырье и полуфабрикаты. Данные о ганзейском экспорте ясно показывают рост спроса на английскую ткань в Центральной и Северной Европе. В 1307 г. Ганза вывезла из Лондона 6 штук ткани, в 1406–1427 гг. ее годовой вывоз достигал в среднем около 6000 штук; в 1438–1459 гг. эта цифра составляла около 10 000 штук, а в 1479–1482 гг. – около 13 500 штук сукна в год. Во времена Генриха VIII эта цифра выросла в среднем до 23 352 штук в год, что составляло около 40 % от общего объема экспорта английских купцов. Лишь небольшая часть этого экспорта направлялась в Нидерланды, где продавалась или подвергалась дальнейшей переработке. Большую часть английских тканей, предназначенных для Прибалтики, перевозили непосредственно английские и ганзейские купцы (позже и голландцы), главным образом в Польшу, Пруссию и Литву.

Взяв за основу подробные данные, полученные из реестров таможенных и податных служб, можно получить точное представление о соответствующих позициях ганзейских и английских купцов в экспорте тканей из различных английских портов в XV в. В случае с Лондоном, где была сосредоточена большая часть этой торговли, английские купцы на протяжении всего столетия имели небольшое преимущество перед Ганзой. Что касается Ипсвича, это превосходство было достигнуто только в начале XV в. и продолжалось примерно до 1437 г., знаменующего крах политического положения Англии в отношениях с Ганзой в Прибалтике. Английские купцы имели решительный перевес над ганзейцами в Халле, Линне, особенно в 1-й половине века, и в Ярмуте, если называть только английские порты, имевшие наибольшую важность в балтийской торговле. В те годы Ньюкасл экспортировал лишь небольшое количество ткани.

Таможенная статистика позволяет нам определить соответствующие доли английских, ганзейских и других иностранных купцов (последних данные различать не позволяют) в вывозе сукна из Англии во 2-й половине века (см. табл. 1.1). Вообще говоря, на протяжении всего этого периода английские купцы сохраняли небольшое преимущество (чуть более 50 %). К сожалению, неизвестно, какая часть этого экспорта пошла в страны Прибалтики. Во всяком случае, похоже, доля Балтийского региона была отнюдь не маленькой в отношении как английских, так и ганзейских купцов. Стоит также отметить, что данцигские купцы занимали 2-е место после Кёльна в общем объеме ганзейского экспорта сукна из Англии. Ткань широко распространялась в Польше, Литве и Малороссии (Украине), доставлялась на юг в Венгрию и Валахию и проникала даже до побережья Черного моря. С середины века Голландия также значительно увеличила экспорт тканей в Прибалтийские страны. Главной статьей импорта Англии из Прибалтики в XIV и XV вв. была продукция лесной промышленности, такая как различные виды древесины (Англия импортировала норвежскую и прусскую древесину еще в XIII в.), в особенности клепки, дубовые клепки, мачты, гнутые доски, смола, поташ и т. д. Следует также упомянуть зерно, привозимое в неурожайные годы. В отчетах Тевтонского ордена за 1404 г. указаны различные товары, вывезенные из Пруссии в Англию, в том числе 600 коржецов (1 коржец = $3\frac{1}{3}$ бушелей) пшеницы, 18 колод солода, 1 «сачик» и 450 000 дубовых досок. В отдельные годы количество зерна, импортируемого Англией из Данцига, был значительным: например, в 1441 г. он составлял 1100 ласт. Среди других товаров следует упомянуть лен, холст, медь (венгерскую), воск и т. д.

Таблица 1.1

Экспорт английских тканей, 1446–1482 гг.

Годы	Всего (штук)	Английские купцы		Ганзейские купцы		Другие	
		Штук	%	Штук	%	Штук	%
1446—1448	53 699	29 633	55	11 289	21	12 777	24
1448—1450	35 078	18 774	54	5929	17	10 375	29
1450—1453	38 928	22 508	58	7420	19	9000	23
1453—1456	37 738	19 424	51	9650	26	8664	23
1456—1459	35 059	19 831	57	10 289	29	4939	14
1459—1462	31 933	15 950	50	9801	31	6181	19
1462—1465	25 855	15 278	59	7157	27	3420	14
1465—1469	39 664	20 802	52	6220	16	12 642	32
1469—1471	27 610	17 532	64	3620	13	6458	23
1471—1476	43 129	24 927	58	4721	11	13 481	31
1476—1479	51 889	33 052	69	9133	18	9704	18
1479—1482	62 586	36 728	59	13 907	22	11 951	19

К сожалению, сохранившиеся источники не дают никаких оснований для более точного определения размеров балтийской торговли Англии в XV в. Ни английские источники, ни, как указал Самсонович, ганзейские документы не позволяют нам разобраться с этой проблемой за 1-ю половину века. Однако некоторый свет на вопрос проливают сохранившиеся Данцигские ведомости портовых сборов за 1460, 1468 и 1474–1476 гг., которые дают возможность составить некое представление о передвижениях судов и внешней торговле Данцига в те годы. Из них следует, что в 1460 г. в Данциг из Англии прибыли 4 корабля; в 1468-м – 6, в 1474-м – только 2, в 1475-м – 7, в 1476 г. – 12. Таким образом, общее количество английских кораблей в Данциг в те годы составило 31, что очень мало по сравнению с 912 кораблями, прибывшими за тот же период от берегов Мекленбурга, Померании, Пруссии и Любека, 320 кораблями из Скандинавии, Борнхольма и Осланда и Готланда, 155 из Голландии и т. д. Но нужно пояснить, что в случае торговли Англии с Данцигом регистры портовых сборов дают заниженные цифры, как это обнаруживается при сравнении их с потерями, понесенными Англией в борьбе с Ганзой. Хорошо развитая контрабанда того времени также подтверждает этот вывод. Торговля Англии с Данцигом приносила обеим сторонам столь значительную прибыль, что велась даже в условиях жесточайших конфликтов и различного рода ограничений. В такие моменты это происходило тайно, например, через Хель или Пак, что, очевидно, было замаскированной формой торговли с Данцигом. Необходимо также принять во внимание возможность иностранных посредников, особенно в те годы, когда политические условия были неблагоприятны для Англии. Тем не менее, судя по скудным имеющимся данным, в XV в. наблюдалась явная тенденция к снижению торговли Англии с Прибалтикой. Если, например, в 1-й половине века были времена, когда в гавани Данцига стояло около 30 английских кораблей, то в 1470-х гг. эта цифра едва доходила до 10, а в самом конце столетия, как следует из реестров пошлин в Зунде, ведущихся с 1497 г., английские корабли вообще почти не зафиксированы. (Но в 1503 г. около 10 английских кораблей прошли через Зунд на пути к Балтике.) Ничто лучше не объясняет упорные попытки Англии продолжать свою балтийскую торговлю, несмотря на огромные трудности, чем сравнение данцигских и английских цен на некоторые ввозимые в Англию товары. Сравнение показывает, какие огромные прибыли получали от этой торговли как английские, так и данцигские купцы (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Цены на основные товары, вывезенные из Данцига в Англию, 1443 г. (пруссские марки)

Товар	Единица	Данциг	Англия
Рожь	Ласт	13—15	42
Пшеница	Ласт	36	76
Поташ	Ласт	9—17	24
Древесная смола	Ласт	9	20
(Древесный) деготь	Ласт	5—5,5	32
Доски	Сотен крупных	7—9	32—34
Дубовые доски	Сотен крупных	4—5	24

Самсонович сравнил цены в Данциге, Англии, Голландии и некоторых ганзейских городах, учтя при расчете прибыль от стоимости перевозки. Из его исследований видно, что прибыль купцов, участвовавших в торговле Данцига с Англией в 1460 и 1470 гг., по зерну находилась в пределах 84—127 %. Сохранившиеся в данцигских источниках материалы, касающиеся торговых операций Томаса Крузе в Лондоне в 1468 г., показывают, что при продаже 1000 дубовых досок, 200 досок, 5 колод поташа, 4 фунтов дегтя и 3 фунтов льна плюс небольшого количества других товаров купец выручил 220 прусских марок, что принесло ему 38,9 % чистой прибыли. В тот год цена досок в Лондоне была на 700 % выше, чем в Данциге, дубовых досок – на 471 %, дегтя – на 150 %, льна – на 100 %, что ясно показывает прибыльность этой сделки. Аналогичную картину прибыли мы получаем из переписки данцигских агентов лондонского купца Томаса Секстона в середине XVI в., о которой поговорим позже, а также из переписки данцигских агентов Лайонела Крэнфилда в начале XVII в. Этот последний источник указывает, что в 1609 г. англичане платили 35–50 флоринов за ласт зерна в Данциге и получали за него 106–110 флоринов в Голландии, «что было огромным профитом», как писал Пэрротт Крэнфилду. Конечно, следует помнить, что купцы того времени несли значительные издержки из-за потери груза в пути (штормы, захват пиратами и каперами, конфискации) или в результате трудностей со сбытом и складированием. Их прибыли уменьшались также за счет различных податей, таможенных пошлин и т. д. Но даже если все это учесть, то выгода балтийской торговли как для английских, так и для ганзейских или других иностранных купцов очевидна.

Как мы уже отмечали, сохранившиеся документы, к сожалению, не позволяют точнее определить размеры английской балтийской торговли в XV и 1-й половине XVI в. Но они дают много информации о непрекращающихся англогерманских конфликтах, которые вновь и вновь вспыхивали на фоне торгового соперничества, нападений пиратов и т. д. Здесь не место рассказывать о длительных и порой серьезных конфликтах между Англией и Ганзой, особенно Данцигом, в XV в. со всеми их взаимными препирательствами, карательными мерами и политическими осложнениями. Они были предметом нескольких исследований, среди прочих – Фидлера, Шульца, Штайна, Коппмана, Шанца и Дёнелла, а среди английских историков в первую очередь – Поста. Также хорошо известна важная роль купцов-авантюристов в последующем достижении Англией независимости от Ганзы.

Не вдаваясь более глубоко в ход англо-ганзейских конфликтов, необходимо подчеркнуть значение 1437 г., ознаменовавшего конец эпохи, в которой Англия преуспела и даже сумела добиться определенных успехов. В 1437 г., после многих лет жестоких столкновений, в Лондоне было заключено соглашение между Англией и Ганзой, которое в последний раз в XV в. дало Англии некоторое преимущество. Компромиссное завершение длительных споров, грозивших полным разрывом отношений, стало возможным благодаря умеренной позиции руководителя ганзейской делегации Генриха Форрата, бургомистра Данцига. В последний раз в

XV в. соглашение 1437 г. основывалось на принципе равноправия в англо-ганзейских отношениях. С одной стороны, Ганза получила подтверждение своих прежних привилегий в Англии, освобождение от новых обязательств и свободу от таможенных пошлин. С другой – англичане получили подтверждение своих старых привилегий в ганзейских городах, право свободного поселения в Пруссии, привилегии свободной торговли, освобождения от новых налогов и т. д. Это соглашение, которое, однако, не было подтверждено Тевтонским орденом и не было признано Данцигом, представляло собой высшее юридическое достижение Англии в отношениях с Ганзой в XV в. С этого времени произошло явное ухудшение позиций Англии в Прибалтике, следствие, среди прочего, кризиса всеобщего хаоса и экономического краха, который страна пережила к концу Столетней войны и во время Войны Алой и Белой розы.

Во 2-й половине столетия ее отношения с Ганзой и в первую очередь с Данцигом резко ухудшились, особенно после того, как Данциг поддержал Данию против Англии в 1468 г., когда датский и данцигский флоты, действовавшие в Зунде, конфисковали английские корабли, везущие ткани в Польшу. Последующие карательные меры (закрытие лондонского Стального двора, конфискация ганзейской собственности, арест данцигских купцов в Англии) привели к войне между Англией и Ганзой и провозглашению запрета на ввоз английского сукна в Данциг, что было подтверждено королем Польши Казимиром Ягеллоном. Утрехтский договор, заключенный в 1474 г., стал дальнейшим успехом Ганзы и поражением балтийской политики Англии. В силу его положений Ганза сохранила все свои привилегии в Англии и даже получила новые, а также компенсацию, которую должны были выплатить англичане. Кроме того, она получила в собственность свои резиденции в Лондоне и Бостоне, а также дом в Линне, который ранее только арендовала. С одной стороны, Утрехтский мирный договор, безусловно, гарантировал английским купцам их прежние привилегии в ганзейских городах, но это не имело большого практического значения, тем более что Данциг не желал принимать это условие. Со времени Утрехтского мира упоминания в источниках о губернаторе английской фактории в Данциге более или менее прекращаются. В течение нескольких последующих десятилетий англичане редко появлялись в портах Балтики. С другой стороны, Ганза сохранила и даже увеличила степень своего вмешательства в торговлю Англии со странами Балтии. Важность голландской торговли английским импортом из стран Балтии также возросла. Англичане ограничивали свою прямую торговлю преимущественно Нидерландами и Францией, тогда как купцы-авантюристы собрали в свои руки, за исключением основных торговцев, всю английскую внешнеторговую деятельность вплоть до середины XVI в., до времени зарождения современной внешней торговли Англии и неуклонного роста и расширения ее торгового сословия.

Уже во времена первых двух Тюдоров Англия не раз предпринимала попытки освободиться от ганзейского посредничества в балтийской торговле, а также стремилась добиться возвращения своим купцам принадлежавшего им прежде дома в Данциге. Однако все эти усилия не принесли ощутимых результатов, особенно потому, что Генрих VIII фактически стремился к поддержанию дружественных отношений с Ганзой, но и отчасти из-за признания растущей потребности Англии в балтийских товарах. Постоянные споры между Англией и Ганзой в течение 1-й половины XVI в. не привели к таким серьезным конфликтам, которыми их отношения отмечены в предыдущем столетии. В этот период балтийская торговля Англии росла очень медленно, и Ганза продолжала получать большие прибыли за свои посреднические услуги.

В середине XVI в. отношения Англии с Данцигом сделали еще один крутой поворот, обусловленный возросшей активностью английских купцов в Прибалтике и политикой английской короны, поддерживавшей торговые устремления среднего класса страны. Ганзейские документы сообщают о все новых и новых случаях взаимных карательных мер и двурушничества. Одним из последствий было введение Данцигом в 1557 г. временного запрета на торговлю с Англией, а в качестве оправдания использовалась более общая резолюция ганзейского съезда. Эти вопросы будут обсуждаться более подробно в 3-й главе, когда будем рассматривать обсто-

яательства основания Истлендской компании. Здесь лишь добавим, что, независимо от различных споров, в 1-й половине XVI в. Англия еще в значительной степени пользовалась услугами ганзейских посредников в Данциге, Любеке и Гамбурге, а также голландцев (ср. гл. 6). Статистика экспорта английского сукна показывает, что в 1-й половине века Ганза еще имела большую долю, сохраняя свой процент примерно на том же уровне (ок. 30), что и во 2-й половине XV в. С другой стороны, в импорте Англии из стран Прибалтики все еще преобладали иностранные посредники. Даже в середине XVI в. английская корона еще вела переговоры с Ганзой о закупке в странах Прибалтики таких товаров, которые, цитируя акты Тайного совета, «необходимы Его Королевскому Величеству для оснащения флота, как то: снасти, мачты, якоря, смола, лен и т. д.». А в начале 2-й половины века ганзейские купцы поставляли в Англию различные балтийские товары в довольно больших количествах, как мы увидим, их имена встретятся нам в английских портовых книгах даже позже, хотя записей становится все меньше. Процесс сокращения доли Ганзы в импорте Англии из Прибалтики сопровождался еще одним – ростом голландских посредников, но степень участия последних невозможно точно выразить в цифрах.

Торговое проникновение Англии в Прибалтику, которое стало возможным в скольконибудь крупных масштабах только после ликвидации Ганзы и распада внутренней сплоченности и экономической роли союза, составило одну из самых ранних ветвей английской экспансии во времена Елизаветы I. Это было частью той же экономической тенденции, которая направляла торговые интересы страны на восток и юг, в Москву, Прибалтику, Левант и Африку, на Пиренейский полуостров и т. д. и породила несколько крупных компаний – Московскую и Истлендскую, Левантийскую, Африканскую и Испанскую. Эти организации стали прибежищем богатого английского торгового класса крупных оптовиков, который монополизировал выгоды, связанные с завоеванием для английской торговли и капитала новых рынков.

В Англии, как и в некоторых других западноевропейских странах, XV и XVI вв. были отмечены возрастающей интенсификацией раннего капиталистического производства. В Англии, Голландии, Франции и некоторых частях Германии сложилась мануфактурная система, составившая важный этап в развитии ремесел и промышленности этих стран. Поскольку в то же время сохранялись многие фундаментальные черты феодальной социальной структуры, эта отрасль не могла рассчитывать на массовое потребление внутри собственных стран и энергично искала рынки для реализации своей продукции, особенно в районах, где местное производство было слабым. Этими факторами объясняется экономическое давление, оказываемое Англией и другими западноевропейскими странами, в особенности Голландией, на страны Восточной Европы, в течение многих лет закупавшие многочисленные изделия иностранного ремесленничества. Эти западные страны были тем более заинтересованы в экономическом проникновении в Балтийский регион, поскольку могли получить взамен большое количество необходимых товаров, в случае Англии – прежде всего запасы материалов для военно-морского флота и зерно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.